
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ВНЕ ЭТОЙ СИСТЕМЫ**

© 2021 г. Л. В. Брусницын

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: leo1222@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.06.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, а также рекомендации международного сообщества по использованию данного запрета в сфере борьбы с преступностью. Приводятся нормы зарубежного законодательства, которые могут быть учтены в России для расширения использования запрета определенных действий в этой борьбе.

Ключевые слова: запрет определенных действий как мера пресечения, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения.

Цитирование: Брусницын Л.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения и вне этой системы // Государство и право. 2021. № 1. С. 81–88.

DOI: 10.31857/S102694520013273-1

**PROHIBITING CERTAIN ACTIONS IN THE SYSTEM MEASURES
OF RESTRAINT AND BEYOND THIS SYSTEM**

© 2021 L. V. Brusnitsyn

Lomonosov Moscow state University

E-mail: leo1222@yandex.ru

Received 04.06.2020

Abstract. The article deals with the application of a preventive measure in the form of a ban on certain actions, as well as recommendations of the international community on the use of this ban in the field of fighting crime. The article presents the norms of foreign legislation that can be taken into account in Russia to expand the use of the prohibition of certain actions in this fight.

Key words: prohibition of certain actions as a measure of restraint, measures of restraint, other measures of procedural compulsion.

For citation: Brusnitsyn, L.V. (2021). Prohibiting certain actions in the system measures of restraint and beyond this system // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 81–88.

Допустив в уголовном процессе в качестве меры пресечения *запрет определенных действий* (ст. 105¹ УПК РФ¹), Россия не стала пионером в понимании

того, что такой запрет необходим в сфере уголовного судопроизводства. Так, уже достаточно давно во Франции в рамках «судебного контроля» – меры пресечения, заключающейся в применении различных сочетаний правоограничений (из 16 возможных), обвиняемому может быть *запрещено посещать*

¹ Введена Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ (см.: СЗ РФ. 2018. № 17, ст. 2421).

определенные места, встречаться с определенными людьми², причем в случае нарушения запрета, согласно ст. 141-2 УПК Франции, судебный контроль может быть заменен предварительным заключением независимо от того, какое уголовное наказание грозит обвиняемому³.

В Австралии судьи вправе выносить приказ о защите жертв преступлений, который может содержать запрет правонарушителю приближаться к жертве и ограничить ему доступ к жилищу, включая его собственный дом⁴. Ограничительные приказы применяются, например, в Австрии (Закон «О защите лиц от насилия в семье» 1997 г.)⁵, Финляндии (Закон о “restraining orders” 1999 г.)⁵, ФРГ, США, Швейцарии, Новой Зеландии, Норвегии, Канаде, Соединенном Королевстве, а также в Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Латвии, Литве, Украине, Эстонии⁶.

Применительно к ряду государств отмечается, что ограничительный приказ⁷ может быть вынесен судом в отсутствие правонарушителя; процедура его вынесения не занимает много времени, не связана с большими расходами и, в то же время, является достаточно эффективным средством защиты жертв преступлений⁸.

² См.: *Legeais R.* L' utilisation de temoignages sous forme anonime ou deguisee dans la procedure des juridictions repressives // *Revue internationale de droit compare.* Paris, 1998. А. 50. No. 2. P. 712; *Lemond M.* La Protection des temoins devant les tribunaux francais // *Revue de science criminelle et de droit penal compare.* Paris, 1996. No. 4. P. 817.

³ См.: *Lemond M.* Op. cit. P. 817.

⁴ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 19, 20.

⁵ См.: п. 92 Пояснительной записки к Рекомендации № (2002) 5 Комитета Министров государствам-членам о защите женщин от насилия, принятой 30 апреля 2002 г. URL: [http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRec\(2002\)5.html](http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRec(2002)5.html) (дата обращения: 15.01.2010).

⁶ См., в частности: Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. М., 1991. Вып. 4. С. 12; Исследование феномена насилия // *Борьба с преступностью за рубежом.* 2001. № 2. С. 38, 39; *Тунина Н.А.* Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // *Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права.* 2010. № 4 (14). С. 80, 81; *Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю.* Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // *Вестник Томского гос. ун-та.* 2018. № 436. С. 226; *Бушная Н.В., Чунина А.А.* Меры процессуального принуждения: учеб. пособие. Ставрополь, 2019. С. 64.

⁷ В разных государствах один и тот же, по сути, набор запретов определяется разными терминами: в США — «охранный приказ», в Казахстане и Молдове — «защитное предписание», в Турции — «приказ об охране» и т.д. (см.: *Харламов В.С.* Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2014. № 1(32). С. 39).

⁸ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: справочное руководство. С. 19, 21, 46.

Позитивный опыт значительного количества государств, причем относящихся к разным правовым семьям, сформировал соответствующее отношение к рассматриваемым запретам международных структур, призванных обобщать мировой опыт борьбы с преступностью, исследовать конкретные средства борьбы и рекомендовать наиболее эффективные средства государствам, отстающим в их применении. Российский законодатель наконец-то прислушался к этим рекомендациям, и в апреле 2018 г. в УПК РФ, как уже было отмечено, появилась новая мера пресечения — запрет определенных действий. В юридической прессе данной новелле посвящено немало комментариев, нет сомнений в том, что она станет предметом дальнейших, в т.ч. диссертационных исследований, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, что, безусловно, необходимо.

Сначала рассмотрим некоторые вопросы применения новой меры пресечения в соответствии с содержанием ст. 105¹ и ряда иных статей УПК РФ и УК РФ.

1. Если судья в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 105¹ УПК РФ отказывает в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, вправе ли он, естественно, с соблюдением ст. 97 и 99 УПК РФ, избрать иную меру пресечения? Очевидно, нет, поскольку: с одной стороны, залог, домашний арест и заключение под стражу — более строгие меры пресечения, а дознаватель или следователь не ходатайствовал об их избрании; с другой — избрание более мягких мер пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым) в компетенции не только суда, но и лица, осуществляющего досудебное производство по делу, которому и следует принять соответствующее решение.

2. В течение какого срока судебные решения, предусмотренные в ч. 4 ст. 105¹ УПК РФ (об избрании запрета определенных действий и прочие решения), могут быть обжалованы заинтересованными лицами? В силу ч. 2 ст. 105¹ запрет определенных действий применяется в порядке ст. 108 УПК РФ, за исключением требований, связанных с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом обвиняемого. Из этого следует, что срок для обжалования решений, принимаемых в рамках ст. 105¹ УПК РФ, тот же (сокращенный), что и для обжалования решений, принимаемых судом по ходатайству следователя о заключении лица под стражу, т.е. трое суток со дня вынесения соответствующего решения. Но нужно ли было устанавливать *сокращенный* срок применительно к рассматриваемой мере пресечения? Если необходимость сокращения

срока обжалования очевидна при избрании заключения под стражу, то уже менее очевидна эта необходимость применительно к домашнему аресту, и тем более возникает вопрос: нужно ли было сужать до трех дней рамки обжалования при избрании запрета определенных действий – значительно более мягкой меры, нежели домашний арест и заключение под стражу?

3. Согласно ч. 5 ст. 105¹ УПК РФ постановление судьи по поводу запрета определенных действий (об их избрании, об отказе в избрании и др.) направляются в т.ч. потерпевшему, свидетелю или иному участнику уголовного судопроизводства – *если запрет связан с обеспечением их безопасности*. Понятно, что со дня вынесения постановления до вручения его копии названным лицам может пройти более трех суток, в течение которых, как уже было сказано, постановление может быть обжаловано. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд обязан обеспечить участникам процесса возможность обжаловать соответствующее постановление. Вопрос: должен ли судья принять к рассмотрению жалобу, поданную по истечении указанного срока?

Вообще, надо признать позитивной норму, обязывающую уведомлять о запрете определенных действий тех участников процесса, для безопасности которых запреты установлены. Но почему законодатель предусмотрел такое уведомление при избрании одной меры пресечения из восьми? Видимо, потому, что, исходя из ее содержания, чаще всего она будет избираться именно для обеспечения безопасности тех, кто изобличает преступника, т.е. по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ (возможность угроз обвиняемого другим участникам процесса). Следует установить (в ст. 97) требование об уведомлении потерпевших и иных граждан об избрании любой меры пресечения, *если она избирается по указанному основанию*. Попутно отметим, что угрожать могут не только участникам уголовного процесса, но и их близким, не имеющим процессуального статуса. Конечно, возможен допрос таких (близких) лиц об обстоятельствах поступления угроз в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ – для установления характеристики личности обвиняемого, но ведь не всегда угрозы высказываются непосредственно тем, кому они адресованы, поэтому граждане могут оставаться в неведении по поводу угроз. Последнее обстоятельство следует учесть законодателю – внести соответствующее дополнение в ч. 5 ст. 105¹ УПК РФ; в противном случае для уведомления близких о запрете определенных действий необходимо будет тратить время на формальный допрос в качестве свидетелей граждан, которым априори ничего не известно ни об угрозах в их адрес, ни об обстоятельствах совершения преступления.

4. Несмотря на отсутствие в УПК РФ прямого указания, ясно, что при установлении срока запрета покидать в определенное время жилье (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ) подлежит зачету время, которое обвиняемый ранее находился под домашним арестом или под стражей. Зачет необходим и в обратной ситуации, т.е. при замене названного запрета на домашний арест либо на содержание под стражей (подобно тому, как согласно ч. 2¹ ст. 107 УПК РФ время содержания под стражей и домашнего ареста *засчитывается независимо от того, в какой последовательности они применялись*). Во всех этих случаях зачет времени производится с учетом пропорций: 2 дня запрета за 1 день содержания под стражей (указано в п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ); 2 дня домашнего ареста за 1 день содержания под стражей (указано в ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ) и 1 день запрета за 1 день домашнего ареста (прямого указания на это УПК РФ не содержит, но это вытекает из совокупного смысла п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ и ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ).

Далее, в соответствии с содержанием ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, ч. 10 ст. 105¹, ч. 2¹ ст. 107, п. 1¹ и 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, *в какой бы последовательности три меры пресечения: запрет покидать жилище, домашний арест и заключение под стражу, – не применялись, их общий срок (исчисляемый с учетом вышеуказанных пропорций) не должен превышать предельный срок содержания под стражей, возможный в конкретном уголовном деле в соответствии с тяжестью предъявленного обвинения и иных обстоятельств, учитываемых при продлении срока содержания под стражей в соответствии со ст. 109 УПК РФ*⁹. К примеру, *если предельный срок содержания под стражей в деле истек, избрание обвиняемому меры пресечения ни в виде запрета покидать жилье, ни в виде домашнего ареста, невозможно; в данном случае могут быть применены другие запреты из предусмотренных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ либо иная мера пресечения*.

Не опровергается ли все вышесказанное указанием в ч. 10 ст. 105¹ УПК РФ на то, что срок запрета покидать жилище не может превышать срок в 12, 24 либо 36 месяцев *с момента вынесения судом решения об установлении запрета*? Не опровергается, поскольку такое исчисление сроков, по мнению автора, относится к случаям, когда к подозреваемому, обвиняемому ранее не применялись ни домашний арест, ни заключение под стражу.

5. Согласно ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ при избрании в качестве меры пресечения залога суд вправе возложить на подозреваемого, обвиняемого запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ. При этом

⁹ Высказано и противоположное мнение (см.: Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Запрет определенных действий: первые результаты применения // Уголовный процесс. 2019. № 5 С. 56–59).

указано, что в отличие от иных запретов, действующих «до отмены или изменения меры пресечения в виде залога», запрет выходить из жилья действует до истечения срока, установленного судом. Это означает, что возможна ситуация, когда одновременно будут действовать: а) запрет покидать жилье и б) мера пресечения, пришедшая на смену отмененному залoгу, например, подписка о невыезде, в досудебном производстве избранная следователем, а в ходе судебного производства по делу – судом.

В то же время неясно, почему законодатель не допустил при отмене залога продолжение действия остальных запретов, предусмотренных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, например, находиться в определенных местах, общаться с определенными лицами? Представляется, каких-либо препятствий доктринального либо иного характера для этого нет. А возможность такого соединения любого из предусмотренных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ запретов с той же подпиской о невыезде или с присмотром за несовершеннолетним позволило бы использовать набор правоограничений, в максимальной степени обеспечивающий надлежащее поведение обвиняемого.

6. Следующий вопрос связан с предыдущим: почему законодатель допустил применение запретов, указанных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, одновременно с залoгом (ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ), домашним арестом (ч. 7 ст. 107 УПК РФ) и не допустил такое сочетание при избрании следователем или дознавателем подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним? Очевидно полагая, что запреты определенных действий по степени ограничения прав и свобод граждан гораздо ближе к залoгу, домашнему аресту и заключению под стражу, нежели к вышеуказанным четырем «мягким» мерам пресечения. Но так ли это в действительности? Сравним «запрет находиться в определенных местах» с подпиской о невыезде и надлежащем поведении. При избрании последней меры пресечения следователь ограничивает свободу передвижения лица в большей степени, нежели суд при установлении вышеназванного запрета: при подписке о невыезде следователь исключает свободу передвижения лица вне пределов его места жительства (т.е. запрет распространяется на миллионы квадратных километров), а вышеуказанный судебный запрет может касаться лишь одной улицы в сельском поселении либо одного района в административном центре субъекта Российской Федерации, в котором (районе) проживает потерпевший. Еще одна иллюстрация: избранная следователем подписка о невыезде может ограничить конституционное право обвиняемого на труд в случае, когда, например, место работы

обвиняемого, живущего в Московской области, находится в г. Москве, в то время как судебный запрет определенных действий может быть и не сопряжен с ограничением этого конституционного права. Учитывая сказанное, по мнению автора, законодателю следовало допустить избрание дознавателем, следователем запретов (либо их части), указанных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, в рамках подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним¹⁰.

Заметим, что на допустимость использования рассматриваемых запретов *не только судом, но и полицией* обращено внимание в Докладе совещания межправительственной группы экспертов по обзору и обновлению Типовых стратегий и практических мер по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, подготовленном в 2009 г. под эгидой *Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию*¹¹.

Возможен и компромиссный вариант, предложенный в Рекомендациях ООН 1996 г. «Модельное законодательство о насилии в семье»¹² и заключающийся в том, что применение запретов на посещение определенных мест и общение с определенными людьми может включать два этапа: на первом этапе, когда требуется оперативное реагирование, решение о применении запретов вправе принять не только суд, но и «другое должностное лицо», которое выдает не «судебный», а т.н. «чрезвычайный временный ограничительный ордер». Срок его действия – 28 дней; для продолжения действия запрета необходим уже «судебный» (или «охранный») ордер, выдача которого – в компетенции только суда (второй этап) (п. 5 раздела «В. Права пострадавших» части «3. Механизм подачи жалоб» Рекомендаций). При этом обращение в суд для получения «охранного» («судебного») ордера возможно и до окончания срока действия «чрезвычайного временного ограничительного ордера», а также независимо от того, применялся ли он вообще (подразделы

¹⁰ За возможность сочетания запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, с подпиской о невыезде и другими «мягкими» мерами пресечения высказалась также Е. Ларкина, не конкретизировав, правда, к чьей компетенции – суда или следователя надлежит отнести это (см.: Ларкина Е. Новая мера пресечения – запрет определенных действий // Уголовное право. 2018. № 4. С. 116, 117).

¹¹ См.: Док. E/CN.15/2010/2. В межправительственную группу по подготовке Доклада вошли представители Алжира, Болгарии, Канады, Кот-д'Ивуара, Марокко, Мексики, Монголии, Польши, США, Таиланда, Украины, Филиппин, Финляндии, Чили и Эквадора. России, очевидно, в 2009 г. нечем было поделиться в решении проблемы.

¹² См.: URL: www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/mod_un.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

«А. Чрезвычайный временный ограничительный ордер» и «В. Охранные ордера» в разделе «4. Обязанности служащих юстиции» Рекомендаций). Именно такой компромиссный вариант реализован, например, в Австрии, Новой Зеландии, Швеции¹³.

Заметим также, что до появления в УПК РФ ст. 105¹, по мнению автора, следователь или дознаватель был вправе, избирая в качестве меры пресечения подписку о невыезде и надлежащем поведении, применить и рассматриваемый запрет. Дело в том, что помимо обязательств не покидать место жительства и являться по вызовам (п. 1 и 2 ст. 102 УПК РФ), в рамках подписки о невыезде отбирается обязательство «иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» (п. 3 ст. 102 УПК РФ). На взгляд автора, последнее обязательство могло быть конкретизировано: у обвиняемого могло быть отобрано обязательство не угрожать участникам уголовного судопроизводства и их близким, не посещать места их проживания¹⁴. Со вступлением в силу ст. 105¹ УПК РФ установление запрета на посещение определенных мест обвиняемым получило прямое нормативное выражение (позитивный аспект), но было отнесено к исключительной компетенции суда (негативный аспект новеллы 2008 г.).

7. В соответствии с ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ при избрании меры пресечения — залога суд вправе возложить на обвиняемого рассматриваемые нами запреты. Подлежит ли залог обращению в доход государства, если обвиняемый их нарушит? Такой вопрос возникает потому, что согласно ч. 9 ст. 106 УПК РФ залог обращается в доход государства в случае нарушения обвиняемым «обязательств, связанных с внесенным залогом». Как гласит ч. 1 ст. 106 УПК РФ, залог применяется в т.ч. для предупреждения совершения обвиняемым «действий, препятствующих производству по уголовному делу». Нарушение же обвиняемым установленных для него запретов есть не что иное, как совершение таких действий. Следовательно, нарушение запретов должно влечь не только возможность избрания обвиняемому более строгой меры пресечения (в данной ситуации — домашнего ареста либо заключения под стражу), но и потерю залога.

8. Вопрос, сходный с рассмотренным: что должно влечь нарушение обвиняемым, находящимся под домашним арестом, запретов, указанных в п. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ (запреты на общение с определенными людьми, отправление и получение корреспонденции, использование средств связи и Интернета), которые были наложены на него в соответствии

с ч. 1¹ ст. 97 УПК РФ? Поскольку в силу ч. 1 ст. 107 «Домашний арест» УПК РФ такой арест заключается в нахождении обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении «с возложением запретов», нарушение последних должно квалифицировать как «нарушение... условий исполнения этой меры пресечения» (ч. 14 ст. 107), а это, согласно той же ч. 14 ст. 107 — основание для изменения домашнего ареста на более строгую меру пресечения.

9. В юридической литературе встречаются и иные вопросы, вызванные новизной рассматриваемой меры пресечения. Например, вправе ли обвиняемый, которому запрещено использование средств связи (п. 5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), общаться посредством таких средств с защитником¹⁵. Вне всякого сомнения, вправе, исходя из того, что обвиняемый наделен правом на свидания с защитником без ограничения числа свиданий и их продолжительности (на что прямо указано в п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) и независимо от того, какая мера пресечения из восьми возможных избрана обвиняемому — исходя из совокупного смысла уже упомянутого п. 9 ч. 4 ст. 47 и соответствующего полномочия защитника, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Теперь обратимся к международно-правовым актам, рекомендующим рассматриваемые запреты для национального законодательства.

Так, в уже упоминавшихся Рекомендациях ООН 1996 г. «Модельное законодательство о насилии в семье» предполагается, что в случае нарушения запретов, предусмотренных ограничительным ордером, нарушитель «может быть арестован и понесет уголовное наказание» (п/п. «е» п. 2 подраздела «А. Чрезвычайный временный ограничительный ордер» раздела «4. Обязанности служащих юстиции» Рекомендаций ООН). Далее, в отличие от Российской Федерации, ограничительный ордер может применяться, во-первых, к лицу, не являющемуся обвиняемым (подозреваемым), во-вторых, еще до возбуждения уголовного дела и, в-третьих, даже вне пределов уголовного судопроизводства — в рамках «законодательства о насилии в семье», а также в рамках гражданского процесса, например, при разводе супругов, один из которых — жертва семейного насилия (п. 2 и 3 раздела «б. Гражданский процесс» Рекомендаций). Охранный ордер может быть вынесен одновременно с обвинительным приговором при условном осуждении (п. 8 раздела «5. Уголовный процесс» Рекомендаций).

Следует отметить, что законодательство ряда государств предусматривает установление рассматриваемых запретов при постановлении обвинительного приговора. Так, во Франции при отсрочке исполнения наказания судья, постановивший приговор, либо

¹³ См.: Харламов В. С. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ См.: Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2013. С. 129, 130.

¹⁵ См.: Бушная Н. Запрет определенных действий — уголовно-процессуальная новелла // Законность. 2019. № 4. С. 52.

судья по исполнению наказаний могут возложить на осужденного обязанность «воздерживаться от установления отношений с некоторыми лицами, в частности, с потерпевшим от данного деяния» (п. 13 ст. 132–45 УК Франции)¹⁶, а появление осужденного в запрещенном месте наказывается двумя годами тюремного заключения или штрафом (ст. 434–38 УК Франции). Статья 48 УК Королевства Испания предусматривает, что наказание в виде «лишения права находиться или посещать определенные местности запрещает осужденному возвращаться в местность, где он совершил преступление или где проживает потерпевший либо его семья». Статья 57 гласит: суд в качестве дополнительного наказания «может запретить виновному находиться или посещать местность, где он совершил преступление или где проживает потерпевший или его семья» на срок до пяти лет. По Уголовному кодексу указанного государства запрет нахождение в определенных местностях может быть применен при отсрочке исполнения наказания в виде лишения свободы (ст. 83); при условно-досрочном освобождении (ст. 90, 105); при применении к лицу уголовного наказания, не связанного с лишением свободы (ч. 3 ст. 95, ст. 105)¹⁷.

Что касается Российской Федерации, то согласно ч. 5 ст. 73 и ч. 2 ст. 79 УК РФ при условном осуждении и условно-досрочном освобождении суд также может возложить на соответствующее лицо обязанности не менять постоянного места жительства без уведомления органа, осуществляющего контроль за его поведением, не посещать определенные места, может возложить и другие обязанности. Но, в отличие от Франции и Испании, в УК РФ перечисленные правоограничения предусмотрены для исправления осужденного, следовательно, опасность встреч с осужденным для потерпевших и иных лиц, способствовавших его изобличению, не может служить основанием для наложения на осужденного названных ограничений. В этой связи представляется необходимым допустить в законодательстве Российской Федерации применение ограничений, близких (в определенной части – аналогичных) предусмотренным в ст. 53, 73 и 79 УК РФ и в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, но не с целью исправления осужденного, а с целью превенции его негативных (не обязательно противоправных) деяний в отношении вышеуказанных лиц.

Возвращаясь к Рекомендациям ООН 1996 г., отметим, что представляется допустимым в российском законодательстве и запрет, не вошедший в комплекс запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, а именно запрет соответствующему лицу покупать, использовать или владеть огнестрельным или иным оружием, указанным судом (п/п. «е» п. 7 подраздела

«В. Охранные ордера» раздела «4. Обязанности служащих юстиции» Рекомендаций). Еще одна рекомендация: бремя доказывания «того, что насилие в семье не имело места, возложено на ответчика» (п. 8 подраздела «В. Охранные ордера» раздела «4. Обязанности служащих юстиции» Рекомендаций). Она противоречит доктрине в том, кто должен обосновывать необходимость избрания той или иной меры пресечения, и потому вряд ли станет общей нормой в процедуре их избрания в Российской Федерации. Однако заметим, что рекомендация эта дана для случаев насилия в семье, когда речь идет о т.н. «уязвимых жертвах», к коим наряду с несовершеннолетними и престарелыми в международно-правовых актах относят жертв домашнего насилия, и логика авторов Рекомендаций здесь понятна: «уязвимым жертвам» предлагается предоставить благоприятный режим участия в уголовном судопроизводстве.

Далее в уже упоминавшемся Докладе совещания межправительственной группы экспертов по обзору и обновлению Типовых стратегий и практических мер по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия обращено внимание: «Полиция (здесь и далее курсивом выделены положения, не учтенные российским законодателем. — Л.Б.) и суды должны быть наделены полномочиями выдавать «охранные и ограничительные или запретительные ордера... в том числе о *выселении* лиц, совершивших преступление... и *применять меры наказания* за нарушение этих ордеров. <...>. Применение таких защитных мер *не должно ставиться в зависимость от факта возбуждения уголовного дела*»¹⁸. Учитывая содержание ст. 105¹ УПК РФ, законодатель не обратил внимание и на рекомендацию сделать процедуру выдачи ордера «легкодоступной»¹⁹.

Законодательство же ряда государств вполне соответствует изложенным рекомендациям. Так, в некоторых из них предусмотрен запрет для обвиняемого появляться в доме или в его части, где проживает потерпевший, а также в районе, где расположен дом даже в том случае, если обвиняемый – владелец дома (возможность такого запрета в ст. 105¹ УПК РФ ясно не выражена). В случае нарушения лицом установленных для него запретов в одних государствах полиции предоставляется право его ареста без ордера на арест, в других – ордер на арест для таких случаев суд выдает заранее – вместе с вынесением ограничительного приказа, в третьих – заключение под стражу применяется без ордера, если правонарушитель нарушает запреты, установленные приказом и жертва

¹⁶ См.: Уголовный кодекс Франции. М., 1993.

¹⁷ См.: Уголовный кодекс Испании. М., 1998.

¹⁸ Док. E/CN.15/2010/2. P. 20.

¹⁹ Ibid. P. 24.

преступления заявляет о необходимости заключения под стражу²⁰.

В соответствии с вышеназванными Рекомендациями и Докладом помимо избрания более строгой меры пресечения в случае нарушения ограничительного приказа к нарушителю применяются материально-правовые санкции (например, в Казахстане это деяние влечет административную ответственность²¹, в Соединенном Королевстве, ФРГ, Кыргызстане, США, Турции и Южной Африке — уголовное наказание²² (последнее вплоть до лишения свободы рекомендовано на уровне ООН — п/п. «и» п. 7 и п. 10 подраздела «В. Охранные ордера» раздела «4. Обязанности служащих юстиции» Рекомендаций). В рамках же Совета Европы это уже не просто рекомендация: уголовное наказание за указанное деяние наряду с другими юридическими санкциями *обязывает* предусмотреть ч. 3 ст. 53 Конвенции Совета Европы от 7 апреля 2011 г. «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье» («Стамбульская конвенция»).

Наконец, надо отметить, что «защитный ордер» (еще одно название все тех же запретов) стал активно применяться и на международном уровне — в рамках Европейского Союза. В соответствии с принятой 13 декабря 2011 г. Европарламентом и Советом ЕС Директивой 2011/99/ЕС «О Европейском защитном ордере» запрет определенных действий, установленный «судебным или эквивалентным» органом одного государства, продолжает свое действие при переселении «защищаемого лица» в другое государство ЕС — по решению «аналогичного органа» этого государства, которое (решение) принимается по просьбе защищаемого²³. Встречаем в Директиве и положения, уже известные по вышеуказанным Докладу и Рекомендациям ООН: применение защитного ордера возможно и при возбуждении уголовного дела, и при постановлении обвинительного приговора, государства — члены ЕС вправе привлекать нарушителя установленных запретов к уголовной и иной юридической ответственности²⁴.

* * *

Таким образом, международным сообществом запретам определенных действий придается большее значение, нежели стандартным мерам пресечения, действие которых, в т.ч. в Российской Федерации, значительно уже по сравнению с границами

применения запретов, которые (границы) предлагаются в приведенных международно-правовых актах. То же, что в этих актах запреты рекомендуются для случаев «насилия в семье», говорит о масштабах, которых это насилие достигло в мире, но не свидетельствует о наличии препятствий доктринального либо иного толка для использования тех же запретов в борьбе с другими видами преступлений. Естественно, при применении запретов в таких (широких) границах их отраслевая принадлежность будет изменяться: не меняя своего содержания, они будут: в одних случаях — *мерой пресечения* (ст. 105¹ УПК РФ), в других — *иной мерой процессуального принуждения* (если законодатель допустит их применение не только к подозреваемому, обвиняемому, но и, например, к их родственникам и иным лицам, от которых потерпевшим, свидетелям могут исходить угрозы в формах, не криминализированных УК РФ), в-третьих, — *мерами превентивного характера, применяемыми одновременно с уголовным наказанием*, и т.д.

Возможна ли разная отраслевая принадлежность одного и того же запрета? Возможна, и иллюстрация этому — существующая квалификация запретов на пребывание в определенных местах, на пребывание в определенное время вне жилья и как меры пресечения (п. 1 и 2 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), и как административного ограничения (п. 1 и 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»²⁵).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 436. С. 226.
2. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Запрет определенных действий: первые результаты применения // Уголовный процесс. 2019. № 5. С. 56–59.
3. Бирюков П.Н. Европейский защитный ордер // Академ. юрид. журнал. 2017. № 1 (67). С. 39–41.
4. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование). М., 2010.
5. Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2013. С. 129, 130.

²⁰ См.: Исследование феномена насилия. С. 38, 39.

²¹ См.: Харламов В.С. Указ. соч. С. 39.

²² См.: Исследование феномена насилия. С. 38, 39; Харламов В.С. Указ. соч. С. 39.

²³ См.: Бирюков П.Н. Европейский защитный ордер // Академ. юрид. журнал. 2017. № 1 (67). С. 39, 40.

²⁴ См.: там же. С. 39, 41.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2037.

6. Бушная Н. Запрет определенных действий – уголовно-процессуальная новелла // Законность. 2019. № 4. С. 52.
7. Бушная Н.В., Чунина А.А. Меры процессуального принуждения: учеб. пособие. Ставрополь, 2019. С. 64.
8. Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. М., 1991. Вып. 4. С. 12.
9. Исследование феномена насилия // Борьба с преступностью за рубежом. 2001. № 2. С. 38, 39.
10. Ларкина Е. Новая мера пресечения – запрет определенных действий // Уголовное право. 2018. № 4. С. 116, 117.
11. Стратегии борьбы с насилием в семье: справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 19, 20, 21, 46.
12. Тунина Н.А. Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2010. № 4 (14). С. 80, 81.
13. Харламов В.С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 39.
14. Legeais R. L' utilisation de temoignages sous forme anonime ou deguisee dans la procedure des juridictions repressives // Revue internationale de droit compare. Paris, 1998. A. 50. No. 2. P. 712.
15. Lemonde M. La Protection des temoins devant les tribunaux francais // Revue de science criminelle et de droit penal compare. Paris, 1996. No. 4. P. 817.
3. Biryukov P.N. The European protective order // Akadem. legal journal. 2017. No. 1 (67). P. 39–41 (in Russ.).
4. Brusnitsyn L.V. Security persons assisting in the criminal the justice: foreign experience and development of the Russian legislation (the procedural investigation). М., 2010 (in Russ.).
5. Brusnitsyn L.V. Application of norms of the code of criminal procedure, ensuring the safety of participants in criminal proceedings: scientific and practical guide. 2nd ed., add. and rev. М., 2013. P. 129, 130 (in Russ.).
6. Bushnaya N. Prohibition of certain actions-criminal procedure novella // Legality. 2019. No. 4. P. 52 (in Russ.).
7. Bushnaya N.V., Chunina A.A. Measures of procedural coercion: textbook. Stavropol, 2019. P. 64 (in Russ.).
8. Legislation of foreign countries. Review information. М., 1991. Issue 4. P. 12 (in Russ.).
9. Research of the phenomenon of violence // Fight against crime abroad. 2001. No. 2. P. 38, 39 (in Russ.).
10. Larkina E. New measure of suppression-prohibition of certain actions // Criminal Law. 2018. No. 4. P. 116, 117 (in Russ.).
11. Strategies for combating domestic violence: a reference guide. New York, 1998. P. 19, 20, 21, 46 (in Russ.).
12. Tunina N.A. Security order as a way to prevent family violence // Criminological journal of the Baikal state University of Economics and law. 2010. No. 4 (14). P. 80, 81 (in Russ.).
13. Kharlamov V.S. Institute of security orders in foreign legislation as a tool for protecting individuals from intra-family violence // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2014. No. 1 (32). P. 39 (in Russ.).

REFERENCES

1. Andreeva O.I., Zaitsev O.A., Epikhin A. Yu. Prohibition of certain actions as a new measure to ensure the security of the individual in the criminal process // Herald of the Tomsk state University. 2018. No. 436. P. 226 (in Russ.).
2. Bikmiev R.G., Burganov R.S. Prohibition of certain actions: first results of application // The criminal procedure. 2019. No. 5. P. 56–59 (in Russ.).
14. Legeais R. L' utilisation de temoignages sous forme anonime ou deguisee dans la procedure des juridictions repressives // Revue internationale de droit compare. Paris, 1998. A. 50. No. 2. P. 712.
15. Lemonde M. La Protection des temoins devant les tribunaux francais // Revue de science criminelle et de droit penal compare. Paris, 1996. No. 4. P. 817.

Сведения об авторе

БРУСНИЦЫН Леонид Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

BRUSNITSYN Leonid V. – Doctor of Law, Professor of the Department of criminal procedure, justice and Prosecutor's supervision of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia